

Утреннее птичье пение вплелось в золотистые лучи солнца, а легкий ветерок принес тонкий аромат цветов.

У Ваня открыл глаза. В утреннем свете его бледное, изможденное лицо казалось почти прозрачным.

Ночной кошмар был пугающе отчетливым, словно жуткое чудовище с окровавленной пастью раз за разом пережевывало его и заглатывало вновь.

У Ваня давно не снилось прошлое — вернее сказать, он сознательно пытался вытравить те воспоминания из памяти.

Но внезапно нахлынувшие образы вновь принесли невыносимую боль, мгновенно развеяв те крохи тепла и покоя, что ему удалось ощутить накануне.

Ничего уже не исправить.

Как и следовало ожидать, спасения нет.

Повернув голову, он посмотрел на распахнутое настежь окно. В его взгляде отразились синевы неба, редкие облака и трепещущая на ветру листва. Молодая зелень, пронизанная золотыми лучами, дышала безмятежным покоем и жизнью.

У Ваня безучастно созерцал этот пейзаж — лицо его оставалось неподвижной маской, а взгляд потускнел.

Такое состояние было для него привычным.

Чаще всего он напоминал безжизненную куклу, пустую, онемевшую оболочку, под которой никто не мог разглядеть ни одной живой мысли.

Возможно, в его голове действительно царила пустота.

Вся его жизнь походила на глухой, неподвижный омут — черный, бездонный, лишенный тех ярких красок, которыми искрились чужие судьбы, подобные лазурным океанам или залитым солнцем озерам.

Даже его пристанищем стал этот заброшенный, уединенный старый дом, где никогда не пели птицы, не пахло цветами и не было места жизни.

Пролежав так неизвестно сколько, У Ваня наконец почувствовал, как к окоченевшим

конечностям возвращается чувствительность, а разум проясняется.

С трудом приподнявшись, он сел на кровати и медленно, преодолевая слабость, побрел в ванную.

Умывшись и подняв взгляд от раковины, он вдруг замер, осознав поразительную вещь: тело казалось необычайно легким, а привычная, изнуряющая боль отступила.

Он вгляделся в собственное отражение. Прозрачные капли скользили по переносице к кончику носа и лениво срывались вниз.

Осунувшееся, бледное лицо по-прежнему хранило печать тяжелого недуга, а залегшие под глазами тени выдавали крайнее истощение. Однако вечно бескровные губы неожиданно тронул едва заметный розовый оттенок.

Этот крошечный мазок живого цвета на бледном полотне его лица возвращал ему подобие жизни.

У Ваня коснулся губ пальцами. Легкое, покалывающее тепло, похожее на слабый разряд тока, мгновенно пробежало по коже.

Более того, во рту, несмотря на недавнюю чистку зубов, отчетливо ощущался тонкий, сладковатый привкус, согревавший горло.

У Ваня замер перед зеркалом, до побеления костяшек вцепившись в края фаянсовой раковины.

Спустя какое-то время он толкнул дверь ванной и, бесшумно ступая по чистому, мягкому ковру, спустился на первый этаж, невольно оглядываясь по сторонам.

Впервые за долгие месяцы он по-настоящему присмотрелся к дому, и это зрелище ошеломило его, заставив почувствовать себя чужаком в собственных стенах.

Коттедж преобразился до неузнаваемости.

Идеально чистые ступени, залитая светом гостиная, сияющий полированной поверхностью обеденный стол, с которого исчез вековой слой пыли.

Сквозь распахнутые двери виднелся ухоженный двор: изумрудный газон, пышно разросшиеся

вдоль кремовой ограды цветы и подвешенные к раскидистой ветви дерева качели. Былое запустение старого особняка бесследно растворилось.

Даже щебет птиц за окном больше не раздражал, сменившись заливистыми, чистыми трелями.

Это бьющее через край солнце слепило глаза, вызывая резь.

Тот, чьими руками было сотворено это чудо, безмятежно сидел за столом, неторопливо потягивая чай.

У Ваньа подошел ближе и остановился напротив Ми Юньцзиня, в упор глядя на него.

Ми Юньцзинь слегка пододвинул к нему пиалу с кашей.

— Позавтракаешь? Она как раз немного остыла.

У Ваньа промолчал, не сводя с него тяжелого взгляда.

Сейчас на Ми Юньцзине была одежда хозяина дома: простая белая рубашка, строгие черные брюки, светлые носки и мягкие домашние туфли. В этом наряде гость выглядел на редкость органично — сдержанно, изящно, словно прожил в этих стенах долгие годы.

Длинные волосы, доходившие до пояса, были перехвачены в свободную косу и переброшены через правое плечо. Диковинный цветок на шее оказался наполовину скрыт воротником, из-под которого виднелись лишь яркие, сочные лепестки, резко контрастировавшие со снежной белизной кожи.

— Кто просил тебя это делать? — хрипло спросил У Ваньа.

— Тебе не нравится? — Ми Юньцзинь опустил чашку и мягко посмотрел на него.

Буря противоречивых чувств сдавила грудь У Ваньи. Он не мог понять, что испытывает сильнее — внезапно вспыхнувшую надежду или глухую, яростную обиду.

«Должен ли я радоваться?»

Он не знал ответа.

Оглушающий шквал эмоций лишил его способности здраво рассуждать.

Одним резким движением он смахнул пиалу со стола.

— Не нравится! — выкрикнул он сорванным голосом.

Чем больше Ми Юньцзинь делал для него, тем сильнее у него разыгрывалось запретное воображение, рождая опасные иллюзии.

Ему было страшно.

Безумно страшно поверить, что этот человек — его спасительный круг.

Столь уродливое, удушающее чувство в конце концов сожрет его самого, а заодно уничтожит и Ми Юньцзиня.

У Ваньзя закрыл лицо руками, содрогаясь от мысли, насколько жалко и омерзительно он сейчас выглядит в глазах своего гостя.

Глиняная пиала со звоном разлетелась на мелкие осколки, один из которых полоснул У Ваньню по щиколотке. Горячая густая каша грязной лужей растеклась по полу.

Ярость мгновенно сменилась горьким раскаянием.

Он ненавидел себя за эту неконтролируемую вспышку, превратившую его в дикого, безжалостного зверя.

Заметив, что Ми Юньцзинь приподнимается с места, У Ваньзя резко развернулся и бросился вверх по лестнице, страхась встретиться с ним взглядом.

Задыхаясь, он прижал ладонь к груди. Розовый оттенок сбежал с его губ, вновь обнажая мертвенную бледность лица и затаенную в глубине глаз тоску.

«Я совершил ошибку. Зачем я согласился? Зачем впустил его?»

Не стоило поддаваться слабости и приводить этого странного незнакомца к себе.

Да и в ту проклятую пустыню возвращаться не следовало. Гораздо правильнее было бы просто тихо сгинуть там, где его никто никогда не найдет.

В наступившей тишине Ми Юньцзинь спокойно опустил на корточки и принялся собирать осколки посуды.

— Как жаль, — негромко вздохнул он.

А ведь он потратил на эту кашу немало времени.

У Ваньня просидел в своей комнате до самых сумерек. Лишь в девятом часу вечера, приведя себя в порядок и переодевшись, он наконец решился спуститься.

На полу не осталось и следа от утреннего погрома. Не замедляя шага, У Ваньня направился к выходу.

Ми Юньцзинь, тихо покачивавшийся на качелях под сенью деревьев и созерцавший луну, повернул голову.

— Куда ты? — тихо спросил он.

Не проронив ни слова, У Ваньня сел в машину и рванул с места, оставив позади ворота усадьбы.

В баре он занял свой привычный столик в полумраке и заказал виски.

Бармен за стойкой покосился на него, слегка нахмутив брови, а затем не удержался и посмотрел пристальнее.

Когда У Ваньня наконец поднял голову, бармен негромко произнес:

— Не налегай сегодня на спиртное. Вид у тебя совсем неважный.

Глядя на янтарную жидкость на доньшке бокала, У Ваньня лишь криво, безжизненно усмехнулся.

«Какая к черту разница?»

«Я все равно скоро сдохну».

Он махом осушил бокал и пододвинул его обратно к стойке.

— Повтори.

В его сознании безнадежно вздохнула 7008.

Бармен хотел было возразить, но встретившись с его тусклым, тяжелым взглядом в полумраке зала, осекся.

В глубине его зрачков металось такое беспросветное, удушающее отчаяние, что расспросы казались неуместными. Эта немая боль обвивала его, словно тугая колючая проволока.

Ему доводилось видеть У Ваню разным: тихим до жути, замкнутым и отстраненным, а несколько дней назад — пугающе хладнокровным и безумным.

Но никогда еще он не замечал в нем такой обреченности.

Пожалуй, это был первый случай, не считая недавней вспышки, когда его чувства настолько явно прорывались наружу.

Ведь когда У Ваня впервые переступил порог этого заведения, он походил на бесчувственный манекен, абсолютно равнодушный к окружающему миру.

Он никого не слушал и ни на кого не смотрел.

Любые попытки завязать разговор или косые взгляды он попросту игнорировал.

Придет, молча выпьет порцию виски и уйдет — никогда не задерживался дольше десяти минут.

Так продолжалось бесконечно долго. Лишь полгода назад он впервые удостоил бармена мимолетным кивком.

А месяц назад впервые заговорил с ним сам.

Наполнив стакан, бармен наблюдал, как гость вновь опустошает его одним глотком. «Надо же, даже у этого ледяного истукана нашлись причины глушить тоску алкоголем», — подумал он.

Но вслух ничего не сказал.

В конце концов, сюда и приходят за тем, чтобы залить горечь спиртным и найти хоть какую-то отдушину.

По крайней мере, сейчас в нем чувствовался хоть какой-то надлом, а не прежняя мертвецкая апатия.

— Пей, — негромко произнес он. — За счет заведения.

Если бы он только догадывался, что этот парень смертельно болен, то ни за что бы не налил ему ни капли.

— Доктор, что с ним?! — Бармен был бледнее смерти, заламывая руки от страха.

Его всего трясло от охватившего ужаса.

У Вань ушел в уборную почти сразу после второго бокала. Сначала он списал это на слабость к выпивке, но когда пошел второй десяток минут, а он так и не вернулся, сердце у него тревожно екнуло.

Заглянув в мужской туалет, он застал страшную картину: парень лежал на полу без сознания, белый как полотно.

— Вы с ума сошли? Не знали, что у него рак поджелудочной железы? — сурово отчитал его дежурный врач.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Ноги у бармена подкосились.

— Что?.. Что вы сказали?..

— У него последняя стадия! Плюс сильнейшее истощение. Как можно при таком диагнозе морить себя голодом, а потом заливать все это крепким алкоголем? Уму непостижимо, как его организм до сих пор функционирует! — Врач искренне негодовал, возмущенный подобным наплевательским отношением к собственной жизни.

Он повидал многих пациентов, но этот случай выходил за любые рамки.

— Но он... — Бармен попытался что-то возразить, но спазм перехватил горло.

Лишь спустя минуту он выдавил из себя:

— И... сколько ему осталось?

Врач тяжело вздохнул и отвел взгляд.

— Мы обязаны уважать выбор пациента, но в его состоянии любые перегрузки смертельны. И... вам стоит уделить внимание его душевному состоянию. Таким больным нужна серьезная психологическая поддержка.

Глядя вслед уходящему доктору, он чувствовал, как земля уходит из-под ног.

«У Ваньи... Господи...»

К глазам подступили горячие слезы. Его захлестнула такая волна жалости и растерянности, что стало трудно дышать.

Он никогда не думал, что известие о чужой болезни может ранить так глубоко.

Да, они почти не общались, но за этот год он стал неотъемлемой частью его рабочих будней.

Одинокий путник, приходящий из ниоткуда и растворяющийся в ночи, словно бесплотный призрак.

Хрупкий, точно сухой осенний лист, готовый сорваться от малейшего дуновения ветра.

За стойкой бара он видел сотни лиц, многие из которых исчезали навсегда после первого же визита с печатью обреченности на челе.

Его сердце давно огрубело, но У Ваньи прочно врезался в память.

Когда он прощался в прошлый раз, он был уверен, что больше никогда его не увидит.

И все же он вернулся.

Каждую субботу, неизменно, он занимал свой угол, словно молча доказывая вселенной — я все еще здесь, я дышу.

Ему не нужны были сочувствующие взгляды. Он выбирал самую густую тень, пил один и тот же напиток в один и тот же час, став для него привычной деталью интерьера.

Его слова о скором отъезде оставили на душе неприятный, щемящий осадок.

Он грустил, мысленно прощаясь с ним.

И вот, увидев его снова за столиком, он поймал себя на мысли, что испытал облегчение.

С самой первой их встречи его не покидало смутное предчувствие беды, не позволявшее расслабиться.

И теперь это предчувствие материализовалось в неизбежный финал — хрупкий, как сама жизнь, и бездонно горький.

Связаться с близкими У Ваньи не удалось — в его телефоне не было номеров родственников, а сам он не приходил в себя.

Оперировать на такой стадии не имело смысла, да и терапию подбирать было поздно. Медикам оставалось лишь перевести безнадежного больного из реанимации в общую палату под капельницы и ждать, когда он очнется.

Каждый шаг врачей дышал бессилием и тихой скорбью.

Оплатив счета, бармен безмолвной тенью остался караулить у дверей палаты.

Время перевалило за полночь, коридоры погрузились в полумрак, и он, привалившись к стене, задремал.

Сквозь сонную пелену он уловил чье-то бесшумное приближение. Высокий, статный мужчина прошел мимо него прямо к палате У Ваньи.

Бармен попытался разлепить веки и подняться, но в этот миг незнакомец обернулся.

Необыкновенные золотистые глаза заполнили все его сознание. Взгляд затуманился, и он бессильно уронил голову, погружаясь в глубокое забытие.

Прежде чем он успел сползти на пол, сильные пальцы мягко подхватили его под плечи и бережно уложили на сиденье.

Убедившись, что сон его глубок и спокоен, незванный гость тихо приоткрыл дверь палаты.

Лунный свет скользнул по его плечам, окрашивая кончики длинных волос в багровые тона.

Ми Юньцзинь замер у постели, безмолвно созерцая изможденное лицо спящего У Ваньи.

Утренний обход врачей разбудил бармена. Резко распахнув глаза, он не сразу сообразил, сколько проспал. За окнами уже вовсю сияло солнце. Стыдясь своей слабости, он поспешно сел.

Заглянув в палату, он обомлел и застыл на пороге: незнакомый длинноволосый мужчина склонился над постелью У Ваньи, почти касаясь его лица.

Когда он медленно повернул голову в его сторону, по его спине пробежал ледяной озноб.

Откуда взялся этот иррациональный, сковывающий страх, он понять не мог.

Но стоило ему разглядеть теплое сияние его янтарных глаз, как тиски, сжимавшие сердце, разжались. На смену ужасу пришло странное, умиротворяющее спокойствие.

— Здравствуйте... Простите, вы?.. — робко выговорил он, делая шаг вперед.

Чем ближе он подходил, тем сильнее восхищался его утонченной красотой.

Мужчина был невероятно, почти нереально красив.

Роскошная длинная коса ничуть не умаляла его мужественности, а во всем его облике сквозило редкое благородство и величие.

— Вы... друг У Ваньи? — он невольно понизил голос до шепота, боясь показаться бестактным.

Рядом с ним любые резкие звуки казались кошунством.

Из-за его безмятежного, мудрого взгляда у него возникло благоговейное ощущение, будто он говорит с кем-то бесконечно старшим и умудренным опытом.

— А ты — его друг? — вопросом на вопрос ответил Ми Юньцзинь.

Его голос, журчащий, точно лесной ручей, заставил его растеряться.

— Да... пожалуй, да, — пробормотал он.

Эта неторопливая, мягкая манера речи лишь укрепила его в мысли о его негласном авторитете.

Ми Юньцзинь лишь понимающе кивнул.

Чувствуя себя ужасно неловко, бармен замер у дверей, по-детски спрятав руки за спину, но взгляда от него отвести не мог.

Этот человек притягивал к себе все внимание, стоило ему просто находиться в комнате.

Вглядываясь в очертания алого бутона на его шее, он едва не впал в оцепенение.

«Какая неописуемая красота...»

Его разум снова начал уплывать, но стоило Ми Юньцзиню в упор взглянуть на него вспыхнувшими золотом глазами, как наваждение мгновенно спало, будто его окатили ледяной водой.

Перед ним вновь сидел самый обычный, изящно одетый мужчина в строгом плаще, воплощавший собой безмятежный покой.

Он шумно выдохнул и поспешно опустил взгляд.

В этот момент пальцы У Ваньи, лежащие на одеяле, слабо дрогнули. Он медленно открыл глаза и уставился в потолок бессмысленным взором.

Прошло немало времени, прежде чем он осознал, где находится. Повернув голову, он наткнулся взглядом на Ми Юньцзиня.

В палате повисла звенящая тишина. У Ванья замер, не шевелясь, словно вытесанный из дерева истукан. Бармен затаил дыхание, боясь упустить малейшую деталь.

И тут до него дошло: маски кислородного аппарата на его лице больше не было.

Врачи ни за что не убрали бы систему жизнеобеспечения у больного в коме.

«Неужели это он?..»

Вспомнив позу, в которой застал гостя при входе, он покраснел и поспешно отвел глаза от припухших губ У Ваньи.

У Ванья долго вглядывался в лицо спутника, а тот терпеливо сносил этот безмолвный осмотр.

Они словно вели безмолвный диалог, скрытый от чужих ушей.

Наконец до сознания больного дошло, кто перед ним.

— Забери меня отсюда, — едва слышно прошептал он сухими губами. — Домой.

Мрачное оцепенение палаты вмиг развеялось, уступив место легкому, свежему веянию.

Ми Юньцзинь молча смотрел ему в глаза.

За долгие месяцы пыток болезнью — когда корчился от боли, когда задыхался в приступах рвоты, когда падал без чувств на холодный кафель и приходил в себя в полном одиночестве — У Ваньня ни разу не позвал на помощь. Он привык нести свой крест молча.

Но сейчас ледяной панцирь треснул, обнажив израненную, молящую о пощаде душу.

— Хорошо, — тихо отозвался Ми Юньцзинь.

Бармен испуганно вскинул голову.

Ей хотелось закричать, что У Ваньня при смерти, что ему необходим уход, что нужно немедленно позвать лечащего врача, но...

Глядя на эту изнуренную, отрешенную фигуру на постели, он понял: больничные стены для него — тюрьма. Все слова застряли у него в горле.

Ми Юньцзинь хладнокровно вытащил иглу капельницы из тыльной стороны ладони У Ваньня и бережно поднял его на руки.

Высокий, рослый парень оказался легким, точно пушинка.

Сквозь одежду отчетливо проступали острые, обтянутые кожей кости.

Спокойно удерживая свою ношу, Ми Юньцзинь направился к выходу. У Ваньня безучастно смотрел перед собой, уткнувшись лицом в его плечо.

У поста дежурной медсестры их попытались остановить, но бармен преградил дорогу медсестре и качнул головой:

— Оформите выписку. Мы уходим.

Слухи о безнадежном раковом больном, поступившем ночью, уже разлетелись по отделению.

Посмотрев на юное, истощенное лицо У Ваньи, старшая медсестра лишь сочувственно вздохнула:

— Ладно. Идите за мной.

На улице их встретило яркое, слепящее солнце, озарив бледный лик У Ваньи.

Он слабо прищурился, и в глубине его зрачков отразились блики небесной синевы.

— Спи, — прошептал над ухом голос Ми Юньцзиня.

Веки У Ваньи вздрогнули, голова бессильно склонилась набок, и он погрузился в сон.

Он очнулся в собственной спальне.

Мучительная боль исчезла, уступив место удивительной легкости и прохладе, словно его омыло утренней росой.

Однако сил не было совсем — он не мог пошевелить даже пальцем.

Разум словно отделился от брэнной, непослушной оболочки.

Он лежал неподвижно, уставившись в потолок остекленевшим, немигающим взглядом. Если бы не едва заметное движение грудной клетки, его можно было принять за покойника.

Никаких признаков жизни, кроме слабого дыхания.

Ми Юньцзинь опустился на край постели, держа в руках пиалу с прозрачным отваром. На вид снадобье напоминало сладкий суп из древесных грибов, но на поверхности колыхались ярко-алые лепестки.

Приобняв парня за плечи, он осторожно приподнял его и устроил поудобнее, поднеся ложку с жидкостью к его рту.

Но У Ванья не реагировал, продолжая безучастно смотреть в пустоту.

Разжав его губы силой, Ми Юньцзинь влил немного отвара, однако У Ванья даже не попытался сделать глоток. Жидкость струйкой побежала по подбородку, пачкая воротник рубашки.

Парень оставался безучастным ко всему.

Молча промокнув его губы салфеткой, Ми Юньцзинь сделал глоток из пиалы, зафиксировал пальцами его челюсть и накрыл его рот своим.

От этого прикосновения пальцы У Ваньи судорожно дернулись.

Зрачки расширились, а в глубине сознания вспыхнуло отчаянное желание вырваться из оцепенения.

Ми Юньцзинь смотрел на него в упор сияющим золотом взором, его пушистые ресницы подрагивали, напоминая крылья бабочки.

Крепко прижимая его к себе, он настойчиво проталкивал влажным языком сладкое снадобье вглубь его горла, заставляя глотать.

Кислорода не хватало. Бледные щеки У Ваньи залил лихорадочный румянец, ослабевшие пальцы судорожно сжали чужую рубашку. Ми Юньцзинь лишь сильнее запрокинул его голову, не давая пролить ни единой капли целебной влаги.

Когда парень уже задыхался, Ми Юньцзинь отстранился. Между их губами протянулась тонкая ниточка слюны, а на влажном рту прищельца остался прилипший алый лепесток.

У Ванья заворуженно наблюдал, как тот слизывает влагу и медленно проглатывает цветок.

Несмотря на всю интимность и чувственность момента, лицо Ми Юньцзиня сохраняло ледяную, неземную безмятежность.

Зайдясь в надрывном кашле, У Ванья почувствовал, как краска сходит с его лица. Однако на искусанных, припухших губах остался яркий, живой след.

Он продолжал мертвой хваткой цепляться за рукав чужой рубашки, сминая дорогую ткань.

Ми Юньцзинь даже не пошевелился.

— Лекарства нужны? — спокойно поинтересовался он.

Впрочем, в них больше не было нужды.

Тело больше не мучили судороги, а мысли прояснились.

Он понятия не имел, чем поит его этот загадочный спаситель. Очевидно, это средство не могло исцелить смертельный недуг, но оно даровало ему временную передышку от адских мук.

Однако облегчение принесло с собой иную, душевную пытку, которая грозила окончательно разорвать его на части.

Это пугающее, противоестественное привыкание расползлось по венам, точно яд, круша все выстроенные им барьеры и защиту.

Противоборство чувств раскалывало его разум пополам.

«Как же хорошо... Больше не больно».

Ощущение свободы от страданий было настолько сильным, что из глаз готовы были хлынуть слезы.

«За что ты так со мной?!»

«Почему ты не даешь мне просто сдохнуть?!»

«Оставьте меня в моем темном углу. Не надо дарить мне ложную надежду!»

Кому и зачем понадобилось мучить его перед неизбежным финалом?

Зачем искушать призрачным шансом на спасение, когда приговор уже вынесен?

Зачем заставлять его цепляться за жизнь?

У Ваня боялся признаться самому себе в главном.

Ему было страшно.

Смертельно страшно обрести привязанность, которая сделает его уход невыносимо тяжелым.

Страшно обнаружить, что его ледяная броня растаяла, оставив его беззащитным перед лицом вечности.

7008 не обладала человеческими чувствами, но даже ее алгоритмы улавливали глубину его трагедии.

Эпохи сменяли друг друга, поколения уходили в небытие, но неизменной оставалась вечная драма человеческого сердца:

«Порой ненавидеть этот мир куда проще, чем принимать его любовь».

Измученный У Ванья умел справляться с ударами судьбы, но оказался бессилён перед искренней, согревающей нежностью.

Он так ничего и не произнес. Лишь продолжал судорожно сжимать край рубашки Ми Юньцзиня, низко опустив голову.

Тот не пытался уйти, молча созерцая угасающий за окном закат.

В комнате царило глубокое, звенящее молчание.

Лишь их длинные тени на стене бесшумно тянулись друг к другу, сливаясь в единое целое.

<http://bllate.org/book/20309/2188997>